

Многоязычие и стиль: Спорные вопросы стилистической типологии

ВАДИМ В. ДЕМЕНТЬЕВ, КИРИЛЛ С. ПАНФИЛОВ
(Саратов)

1. Введение

Лингвистами давно установлено, что разные языки членят мир по-разному. Каждый язык формирует особую оценивающую картину мира, которую составляют взаимосвязанные суждения, соотносимые с моральными, религиозными, юридическими кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла (см.: Апресян 1995; Булыгина, Шмелев 1997; Вежбицкая 1999; Карасик 2002; Степанов 1997; Langacker 1987). Таким образом, каждый язык задаёт систему коннотаций, а следовательно, стилей. В настоящей статье делается попытка определить своеобразие стилей в разных языках.

Стилистические исследования в связи с языковой типологией осуществлял еще Ш. Балли (1961; 2001). В конце 50х гг. в языкознании складывается особое направление – сопоставительная, или контрастивная, стилистика (Vinay et Darbelnet 1958; Malblanc 1961; Федоров 1971; Езолка 1976), к задачам которой относятся теория и практика перевода (Виноградов 1975; Львовская 1985; Федоров 1983), а также текстовый контрастивно-стилистический анализ, статистический, функциональный, когнитивный и диахронный подходы (Ижакевич и др. 1990; Швейцер 1991; *Stylistyczne konfrontacje* 1994).

Однако, как справедливо отмечает М.Н. Кожина (1994: 5), оформление этого рода исследований в самостоятельное направление не вполне закончилось.

Следует признать, что в целом главная проблема сопоставительной стилистики – выявление общего и различного в стилистических системах разных языков – еще не решена.

Многие положения контрастивной стилистики остаются дискуссионными. Не существует единого мнения даже по самому принципиальному вопросу: (а) в разных языках существуют разные, не сводимые друг к другу стили, проистекающие из разного видения мира, или (b) в разных языках разными способами выражаются одни и те же стилистические значения? Кроме того, не получил ответа вопрос: (с) влияют ли друг на друга стилистически разные языки (могут ли стили переходить из языка в язык и как этот процесс связан с интерференцией собственно языковых структур)?

Функциональное направление сопоставительной стилистики (Кожина 1994; Скребнев 1985), изучающее степень близости одних и тех же функциональных стилей двух сравниваемых языков, а также саму картину стилевой дифференциации сопоставляемых языков, как правило, дает положительный ответ на вопрос (b): стилистические универсалии выявляются через одни и те же экстралингвистические доминанты. Ср. утверждение, что задачей сопоставительной стилистики является “сопоставить, какие [...] средства выбирают из своего наличного инвентаря те или иные языки для выражения одного и того же содержания” (Лейчик 1994: 19)¹. Ряд исследований (Скребнев 1985; Васильева, Стайкова 1988) посвящен выявлению разговорных универсалий в разных языках в связи с такими особенностями устного общения, как диалогичность, личностность, непосредственность, спонтанность. Активно исследуются также общие тенденции научного стиля в разных европейских языках в связи с такими особенностями научной речи, как логичность и отвлеченно-обобщенность (Разинкина 1978; Троянская 1982; Mistrík 1977). Некоторые универсальные и дифференциальные признаки структуры газетно-информационных текстов в английском и русском языках рассматривает А.Д. Швейцер (1991).

Функционально-стилистическому подходу в определенном смысле противостоит подход лингвокультурологический, при котором сопоставляются разные языковые картины мира. С этой точки зрения, нет одинаковых

---

¹ М.Н. Кожина, напротив, понимает предмет сопоставительной функциональной стилистики очень широко, включает в него человеческий фактор, ситуации и жанры, стилистические средства выражения целого текста и его композиции (в коммуникативном, прагматическом, когнитивном аспектах) (1994).

стилей: одни и те же языковые единицы могут иметь разные стилиеобразующие потенции в разных культурах. Такое понимание стилистических значений (а также лексических, грамматических, прагматических значений) лежит в основе типологии речевых культур, национальных “дискурсивных стилей” (Вежбицкая, Годдард 2002 и др.; см. ниже).

Следует учитывать, что существует несколько пониманий стиля: стиль как наличие коннотаций у языковых единиц (аспект строя языка); функциональный стиль (аспект лингвистики речи); стиль как сложившаяся в том или ином литературном направлении или свойственная какому-либо писателю манера выражения (аспект речевой, актуальный прежде всего для поэтики и литературоведения); экспрессивный стиль; стиль как продукт выбора; стиль как отклонение от контекстуально обусловленной нормы и др. (Styl 1995; Skubalanka 1995; Gajda 1995; Кожина 1999).

Целям настоящего исследования больше всего отвечает последнее определение стиля. Наш подход к стилю основан на концепции непрямо́й коммуникации (Дементьев 2000), а понимание отношения стилей, жанров и языка исходит из их общей коммуникативной природы: речевые жанры / стили и язык представляют собой две разные стадии общего процесса формализации коммуникации. Такой подход делает возможным типологическое объяснение: язык представляет собой сложную систему лексических и грамматических значений, сложившуюся из естественных когнитивных и коммуникативных потребностей человека, для удовлетворения которых было недостаточно средств непрямо́й коммуникации. Континуум коммуникативных смыслов, в которые вступает человек в своей жизни, по-разному концептуализируется в каждом национальном языке. То, что в одних языках кристаллизовалось в лексических и грамматических значениях, в других языках может быть выражено только косвенным способом – описательно, аналитически или же вообще представлять собой нетипизируемый окказиональный смысл (например, в поэзии).

Можно проследить в диахронии конвенционализацию различных речевых форм и – тем самым – становление языковых явлений, концептуализированных лексикой и грамматикой из первоначальных синкретических коммуникативных смыслов. Ср. у М.М. Бахтина: “Высказывания и их типы, то есть речевые жанры, – это приводные ремни от истории общества к истории языка. Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки” (Бахтин

1996: 165). Исторически речевая системность всегда предшествует языковой (ср. положение Ф. де Соссюра о том, что исторически речь всегда предшествует языку 1977: 57), т. е. язык в целом идет ЗА стилями и жанрами.

Жанровая / стилевая системность является живой основой языковых структур. Г.Я. Солганик (1982) понимает диахроническое развитие (функционального) стиля как “путь от знака к типу знака”, где тип знака отражает характер использования знака, его телеологию, назначение. Соглашаясь с этим положением, мы полагаем, что есть и сильное обратное влияние: тип знака → знак (“путь снизу”).

Своеобразие жанровых / стилевых “типов знаков”, по Г.Я. Солганику, может быть описано через семантические примитивы. Согласно А. Вежбицкой, посредством ограниченного набора семантических примитивов можно выразить значения всех языковых единиц (лексических и грамматических) во всех языках, коммуникативные правила (прагматические значения) и жанры и вообще всё разнообразие рожденных человеком идей. Вероятно, наборы семантических примитивов изначально различаются на уровне речевых жанров, и это отражается на значениях конкретных языковых единиц. Отсюда проистекает содержательное, коммуникативное единство речевых и языковых единиц.

В собственно типологических классификациях языков (грамматических типологиях) крайне редко учитывается эта коммуникативно-жанровая основа языковых значений. В большей степени, хотя тоже недостаточно, учитывают этот фактор семантические типологии (например, У. Вейнрейх).

Здесь необходимо сделать одно замечание.

Обычно считается, что только грамматически правильное предложение может быть подвергнуто интерпретации с точки зрения семантической правильности (Вейнрейх 1970). Однако стилистически маркированными могут быть как правильные, так и неправильные языковые конструкции, при этом в последнем случае источником непрямого коммуникации (стилистических, фатических, художественных смыслов) могут быть как лексические, так и грамматические отклонения.

В исследованиях по истории языка отмечается, что при противоречии между фонетикой и грамматикой чаще побеждает грамматика (принцип семантического подавления). Так, в древнерусском языке фонетический закон требовал, чтобы мн. ч. от *чьтьць* ‘чтец’ было *четцы*, однако в современном русском языке победила форма *чтецы*, обеспечивающая единство основы. Подобным образом мн. ч. от *пастоу҃хъ* ‘пастух’ *пастухи*, а не

пастуси. В польском языке сохранилась форма *przyszedł* ‘он пришел’, хотя фонетический закон требовал выпадения *d*. Принцип семантического подавления действует также при формировании окказиональных единиц; ср. рус. *Моё деньрождение* из сочетания “день рождения”, семантически представляющего собой одно понятие и, кроме того, фонетически схожего с существительным среднего рода.

Многие примеры подтверждают, что грамматика “сильнее” стилистики: грамматические формы порождают определенные стилистические значения, а не наоборот. Интересно, как грамматическая неправильность может приводить к крайней стилистической сниженности. Так, в европейских языках нет указательных предлогов или глаголов (*to this, букв. *этить ‘делать это’), в отличие от указательных существительных (*this*), прилагательных (*such*) и наречий (*here, now, thus*). По данным У. Вейнрейха, эта потенциальная категория настолько чужда некоторым семантическим системам, что в идиш, например, указательный глагол (*dosn*) употребляется только в сленге и означает ‘испражняться’ (Вейнрейх 1970: 180-181).

2. “Правила нарушения правил”

Многими исследователями высказывается мысль о том, что любое имплицитное содержание может быть выражено только посредством аномалий – пропусков, недоговоренностей, неясностей, противоречий, нарушений норм (Todorov 1978: 26; Долинин 1983: 42; Булыгина, Шмелев 1997: 457; Санников 1999: 420). Формально-языковая аномальность является главным источником экспрессии в языковой игре (Гридина 1996), в произведениях модернистской поэзии (Todorov 1978).

По-видимому, во всех языках аномалии могут становиться источниками дополнительных коммуникативных смыслов. В языке или в речи иногда складываются “правила нарушения правил”. Так, языковую игру можно понимать как “момент становления нового знака или новой неустойчиво стабильной языковой структуры, момент экспликации «становящегося бытия» смысла” (Герман 2000: 84). По-видимому, формальные характеристики разных языковых типов позволяют априорно определять некоторые теоретические возможности нахождения “правил нарушения правил”.

Кроме собственно отклонений, источником экспрессии могут служить различные “не совсем отклонения”, проистекающие из синонимии.

Отклонения всегда несут дополнительные смыслы, привлекают внимание, поскольку граничат с ошибкой, коммуникативной неудачей. В отличие от отклонений, стилистически маркированные синонимы представляют собой не неправильные, а лишь менее вероятные формы: при множестве возможностей сказать правильно, обычно только одна из них нейтральна.

Например, в русском языке из шести теоретически возможных следований, состоящих из трех элементов – именного субъекта С, глагола Г и именного объекта О, – возможны все шесть, т. е. СГО, СОГ, ГСО, ГОС, ОСГ и ОГС, так что высказывание *Ленин цитирует Маркса* может манифестироваться в виде СГО (*Ленин цитирует Маркса*), СОГ (*Ленин Маркса цитирует*), ГСО (*Цитирует Ленин Маркса*), ГОС (*Цитирует Маркса Ленин*), ОСГ (*Маркса Ленин цитирует*) и, наконец, ОГС (*Маркса цитирует Ленин*). Несмотря на эти возможности, лишь следование СГО стилистически нейтрально, тогда как все остальные варианты воспринимаются носителями русского языка как эмфатические варианты (см.: Якобсон 1965: 388).

Конечно, порядок слов может быть средством экспрессии такого рода только в тех языках, где порядок слов в предложении вообще знает варианты. В языках, где порядок слов фиксированный, его нарушение является аномалией. Это, естественно, может быть источником экспрессии, но уже иного рода – тогда это языковая игра, а не стилистический вариант. Так, во французском языке преобладает прямой порядок слов в предложении. Поэтому стилистические приемы здесь иные. Ш. Балли отмечает, что разговорный французский язык обнаруживает все меньше склонности к инверсии субъекта. Оборот *est-ce que*, который вводит вопросительные предложения с прямым порядком слов, обнаруживает тенденцию заменить все другие типы вопросов (Балли 2001: 223, 232). Современный французский язык все больше конструирует придаточное предложение как независимое, чтобы избежать в нем инверсии субъекта. Предложения типа *Là où vit mon ami, Le livre que m'a donné mon père* являются достоянием письменного языка, имеют ярко выраженный книжный характер (там же: 243) и тем самым воспринимаются носителями французского языка как еще более эмфатические варианты. В японском языке стандартным является порядок слов SOV (при особой жесткости порядка слов для агглютинативных языков). Отрицание в любом его виде является предикатообразующей единицей (за исключением случая каритива), и негативный формант должен заключать предложение. Но в художественном тексте встречаем:

Ия дэс ё. Хэнна мэ-ни ау но- ва
 [Нет связка воскл. Попасть в беду субст. Подлеж.]
 ‘Я не хочу попасть в беду’

вместо *Хэнна мэ-ни ау но-ва ия дэс ё*. Сначала говорящий употребил коммуникативно актуальное отрицание (в значении аволиционалиса в аффеktивной речи), а затем дополнил его темой.

Подобным образом в русском языке пассивная конструкция обычно является стилистически маркированной по отношению к активной. Русский язык в целом предоставляет не очень богатые возможности для выражения пассива, зато широко распространены безличные конструкции. Во многих языках средства выражения пассива более разработаны, чем в русском языке, что накладывает отпечаток на соотношение стилистически маркированных и немаркированных форм в этих языках. Например, в английском языке существуют две пассивные конструкции – прямой пассив и непрямо́й пассив (*Eve was given the apple by Adam*, букв. ‘Ева была дана яблоко Адамом’), в котором прямое дополнение сохраняет свой синтаксический статус. В тагальском языке переходный глагол, обозначающий действие, обладает активным и тремя различными пассивными залогами: прямой пассив, продвигающий в позицию подлежащего прямое дополнение [инфикс *-in-*]; непрямо́й, или локативный пассив, продвигающий косвенное, бенефактивное, локативное или директивное дополнения [суффикс-*(h)an*] (*S+ in + ulat + an ng titser ng liham ng pulang tinta ang istudyante* букв. ‘Студент был написан письмо профессором красными чернилами’); инструментальный пассив, продвигающий дополнение инструмента или образа действия [префикс *i-*] (*I + sulat ng titser ng liham sa istudyante ang pulang tinta* букв. ‘Красные чернила были написаны письмо студенту профессором’) (Мельчук 1998: 171-172).

Средством стилистической маркированности в разных языках может выступать языковой эллипсис, причем не только в сфере синтаксиса, но и в сфере морфологии. Так, в тагальской разговорной речи допустимо опущение форманта, образующего отглагольные существительные, если значение этих имен реконструируется из контекста: *dating* вместо *pagdating* ‘приход’, *tulong* вместо *pagtulong* ‘помощь’.

Опираясь на положение И.А. Мельчука о соотношении эллипсиса и имплицитности (Мельчук 1974), мы относим имплицитность как средство создания экспрессии к аномалиям (языковой игре), а эллипсис – к стилистическим вариантам.

Различия в нормах эллипсиса особенно наглядны при сопоставлении родственных языков, например, славянских. Как известно, в древнейший (общеславянский) период личные местоимения в функции подлежащего не употреблялись в речи, кроме тех случаев, когда на них падало смысловое ударение. Подобное положение сохраняется в некоторых современных славянских языках, например, польском, чешском. Фраза *Pracuje w szkole* является нейтральной, а *Ja pracuje w szkole* – эмфатической с ударением на *ja*. В следующем примере из романа Ст. Лема *Солярис* Снаут сообщает Кельвину о смерти их коллеги Гибаряна. Снаут не говорит о событии прямо, однако смысл восстанавливается за счет языковых значений наличествующих структурных компонентов высказывания:

– Więc co z Gibarianem? Nie ma go na Stacji? Poleciał gdzieś?

– Nie – odparł. Patrzył w kąat zastawiony szpulami kabla. – Nigdzie nie poleciał. I nie poleciał. Przez to właśnie... między innymi

Co? – spytałem. Wciąż miałem zatkane uszy i zdawało mi się, że gorzej słyszę. - Co to ma znaczyć? Gdzie on jest?

Przecież już wiesz – powiedział całkiem innym tonem. Patrzył mi w oczy zimno, aż przeszły mnie ciarki. Może i był pijany, ale wiedział, co mówi.

– Nie stało się...

– Stało się.

– Wypadek?

Kiwnął głową. Nie tylko przytakiwał, aprobował zarazem moją reakcję.

– Так что же все-таки с Гибаряном? Его нет на станции? Он куда-нибудь улетел?

Нет, – ответил Снаут, глядя в угол, заставленный катушками кабеля. – Он никуда не улетел. И не улетит. Потому что он...

– Что? – спросил я. У меня снова как будто заложило уши, и я стал хуже слышать. – Что ты хочешь сказать? Где он?

– Ты уже знаешь, – сказал Снаут совершенно другим тоном. Он холодно смотрел мне в глаза. По коже у меня побежали мурашки. Может быть, Снаут и был пьян, но он знал, что говорит.

– Но ведь не произошло же?.

– Произошло

– Несчастный случай?

Он кивнул. Он не только поддакивал, но одновременно изучал мою реакцию.

(Перевод Д. Брускина)

Реплики Снаута высококэллиптичны, причем в польском варианте эллиптичность выше: русской форме *Потому что он...* (пропущен один элемент) соответствует форма *Przez to właśnie... między innymi...* с двумя пропуще-

нными элементами: *przez to właśnie...* ('по причине того...'; пропущено: *что...*); *między innymi...* (букв. 'в том числе' - форма, требующая обязательного распространения). Ответ Кельвина (в польском варианте), наоборот, эксплицитен сверх нормы: *Gdzie on jest?* Данная особенность формы высказывания, которую не отразил переводчик, по-видимому, призвана побудить Снаута говорить более прямо, определенно. В целом же и в польском, и в русском вариантах эллиптичность, обусловленная аффективным фактором, передана таким универсальным средством письменной речи, как многоточие.

Развитие "Я" (и "ТЫ") в восточнославянских языках связано с редукцией формы перфекта и утратой в прошедшем времени категории лица: *ходили сжть* (показатель 3 лица) → *они ходили*. Во многих современных германских и романских языках (в английском, немецком, французском), напротив, употребление личных местоимений обязательно, а аналоги русских "определенно-личных" и "обобщенно-личных" предложений воспринимаются как эллиптические конструкции: в английском языке предложения со сказуемым-глаголом восприятия типа *Sounds funny. Looked nice* являются неполными реализациями предложений с подлежащим, выраженным местоимением *it*. (В испанском и итальянском языках употребление личных местоимений необязательно). В этом отношении представляет интерес французский язык, в котором со временем развиваются двойные местоимения: новые безударные приглагольные *je, tu* используются всегда, тогда как древние ударные *moi, toi* - в эмфатической речи (ср. *Je la connais* и *Moi, je la connais*).

В отличие от отклонений, стилистические синонимы, или возможность выбора между более вероятным и менее вероятным, не могут порождать "правила нарушения правил" – они сами по себе уже являются такими правилами. Наиболее распространенным во всех языках "правилом нарушения правил" является метафора как "прорыв на поверхностный уровень языка «становящегося бытия» новой смысловой системы, когда концептуальная система индивида пытается освободиться от излишней энтропии смысла" (Герман 2000: 92; ср. также Мурзин 1998: 14). Если отклонения – это непрямая коммуникация, то стилистические синонимы представляют собой вторую стадию формализации (в языке или в речи) коммуникативных смыслов. Следующая, третья стадия, по-видимому, должна состоять в утрате коннотаций, однако эта стадия далеко не

обязательна: стилистически маркированные средства кодифицированы не в меньшей степени, чем немаркированные единицы.

В целом утрата экспрессии той или иной лексической или грамматической единицей относится к распространенным явлениям в языках. Ш. Балли отмечал, что многие экспрессивные формы латинского языка перешли во французский, обогатив и обновив его в аналитическом смысле, но при этом утратили свою экспрессивность: “Латинская форма будущего времени *intrabo* ‘войду’, *faciam* ‘сделаю’ и т. д. была заменена более экспрессивной формой *intrare habeo*, давшей французскому языку неэкспрессивную парадигму будущего времени *j'entrerai* ‘войду’, *finirai* ‘кончу’, *recevrai* ‘получу’, *ferai* ‘сделаю’ и т. д., обладающую преимуществом более определенных окончаний, приемлемых для всех спряжений. Экспрессивное новшество лежит и в основе латинского оборота *habeo feminam amatam* ‘я любил женщину’, конкурировавшего с прошедшим совершенным *amavi* ‘я любил’; он утвердился в романских языках, поскольку *j'ai aimé* ‘я любил’ удовлетворяет стремлению заканчивать слова лексическим элементом. Не отвечавшее же этому требованию простое прошедшее *j'aimai* ‘я любил’ из разговорного языка исчезло. Однако ценой этой победы сложного прошедшего была потеря всякой экспрессивности” (Балли 2001: 26).

Е. Бразаускене обращает внимание на интересное явление в русском языке в Литве: под влиянием литовского языка, в котором уменьшительные суффиксы могут присоединяться почти к любому имени существительному или прилагательному и преимущественно нейтральны в стилевом отношении (возможны образования от слов школа, урок, столовая, Литва, церковь, Рождество, продукты), подобные диминутивы утрачивают экспрессивность и в русской речи. Например, в речи спортивного комментатора: *Первой к финишу пришла немочка имярек, второй была полечка, а литовочка отстала от нее на две секунды* (Бразаускене 2000: 24).

Представляют интерес случаи, когда форма, лишенная экспрессии в данном языке, переносится в речь на другом языке и там обретает экспрессию. Такое стилистическое калькирование может приводить к неожиданным эффектам.

Примером может послужить французоязычное творчество Андрея Макина. А. Макин преподавал французский язык в Новгороде. В 30 лет он переезжает во Францию и становится французским писателем. За 11 лет, с 1990 по 2001 гг., выходят в свет семь его романов, написанных на французском языке. За роман *Le testament français* (Французское завещание) Макин получил в 1995 году премию

Гонкуровской Академии, премию Медичи и “Гонкуровскую премию лицейстов”; немного позже - “Приз призов”, который вручают одному из лауреатов больших литературных премий (Букера, Пулитцеровской, Гонкуровской). За свой последний на данный момент роман *La musique d'une vie* (Музыка одной жизни) автор получил французскую литературную премию “RTL-Lire”. В критике неоднократно отмечалось, что успеху романов А. Макина во Франции во многом способствовал “русский” стиль его произведений, который воспринимается французами как “свежий и оригинальный”: необычная для современной французской речи длина предложения, временные конструкции, порядок слов, словоупотребление (например, малохарактерное для французской речи частое употребление слов *душа* и *судьба*), диминутивы (*Mania, Macha, Mitia, Sacha, Choura, Pachka, Iacha, Liocha, Tolia, Serioqa, Taniouchka, Lidka, Vladik, Guénka*), некоторые экспрессивные формулы, например: *Cela me tombe comme la neige sur la tête* ‘Это свалилось, как снег на голову’: “les Français ne diront jamais ça” ‘французы никогда так не скажут’ (см.: Балеевских 2002).

Наше понимание стилистических значений как коммуникативно-прагматических позволяет рассматривать формирование стилистической системы языка в парадигме Т. Гивона “прагматика → синтаксис → морфология”: развитие естественных языков происходит в направлении “формализации” прагматических противопоставлений средствами синтаксических механизмов и дальнейшей “морфологизации” синтаксических категорий (Givón 1979).

То, что в одних языках прерогатива непрямой коммуникации, в других может выражаться специализированными грамматическими категориями.

Так, значительные различия по языкам имеет категория указательности (в степени дробности выражения указания на место, пространственно-временное отношение и т.д.). Например, в чукотском языке семи местоимениям, указывающим на видимый (для говорящего и собеседника) предмет (*ноткэн* ‘этот ближе к говорящему, чем к собеседнику’; *ынкэн* ‘этот ближе к собеседнику, чем к говорящему’; *ванкэн* ‘этот одинаково близок к говорящему и к собеседнику’; *аткэн* ‘равно далёкий от говорящего и от собеседника’; *нанкэн* ‘тот, кто ещё дальше, чем 4-й’ и т. д.), противопоставляется два местоимения, указывающих на невидимый предмет, причем одно из них (*нотынкэн* ‘вон этот’) относится к предмету, находящемуся за говорящим, другое (*райынкэн* ‘вон тот’) – к предмету, находящемуся за собеседником (Майтинская 1969: 79); в лакском языке местоимения различаются по уровню места нахождения указываемого предмета (лица) по отношению к уровню места нахождения говорящего: *та* ‘тот’ (на уровне

говорящего) – *kla* ‘тот’ (находящийся ниже говорящего) – *za* ‘тот’ (находящийся ниже говорящего) (там же: 77).

Можно представить (идея принадлежит В.Е. Гольдину), как выглядел бы перевод на чукотский и лакский языки стихотворения А.С. Пушкина “Кавказ”!

Кавказ подо мною. Один в вышине
 Стою над снегами у края стремнины.
 Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
 Парит неподвижно со мной наравне.
 Отселе я вижу потоков рожденье
 И первое грозных обвалов движенье.
 Здесь тучи смиренно идут подо мной;
 Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
 Под ними утесов нагие громады;
 Там, ниже, мох тощий, кустарник сухой;
 А там уже рощи, зеленые сени,
 Где птицы щебечут, где скачут олени.
 А там уж и люди гнездятся в горах,
 И ползают овцы по злачным стремнинам,
 И пастырь исходит к веселым долинам,
 Где мчится Арагва в тенистых берегах,
 И нищий наездник таится в ущелье,
 Где Терек играет в свирепом веселье [...]

В лингвистике широко рассматривается национально-языковая специфика категории рода – прежде всего через отражение в разных языках оппозиции “мужской / женский” (Цивьян 1991). Данная категория порождает в языках, знающих грамматический род, большие возможности для выражения экспрессии. Например, в русской народной песне тонкая рябина мечтает перебраться к высокому дубу, таким образом возникает поэтический смысл любви между мужчиной и женщиной. При переводе текста песни на польский язык оказывается несложно передать этот смысл, так как в польском языке существительное *dąb*, точно так же как в русском, мужского рода, а *jarzębina* – женского:

Что стоишь, качаясь,	Czemu się tak chwiejesz,
Тонкая рябина,	Smukła jarzębino?
Головой склоняясь	Czemu głowę kłonisz, –

До самого тына?	Samotna drzewino?
А на той сторонке	A jak rzucić okiem
За рекой широкой	Za Dunaj szeroki –
Так же одиноко	Tam też w osobności
Дуб стоит высокий.	Stoi dąb wysoki.
Как же мне, рябине,	Gdybym ja do <i>dębu</i>
К дубу перебраться?	Rzeką popłynęła,
Я б тогда не стала	Ani bym się wtedy.
Гнуться и качаться.	Chwiała, ani gięła.

(перевод Ежи Литвинока)

Эффект персонификации даже усиливается в польском языке из-за того, что *drzewina* ‘хилое деревце’ тоже женского рода. Сохранить этот смысл при переводе на английский язык было бы уже сложнее, еще сложнее передать этот смысл при переводе на фино-угорские или тюркские языки, которые вообще не знают категории рода. Известны многие несоответствия при переводах. Иногда порождаются смыслы, каких не было в оригинале, например, в басне И.А. Крылова о стрекозе и муравье, представляющей собой переложение басни Лафонтена. Во французском языке существительные *libellule* ‘стрекоза’ и *fourmi* ‘муравей’ одного рода (женского), в русском же языке *стрекоза* женского рода, *муравей* – мужского. В результате в русском варианте, помимо основного смысла – справедливое возмездие за праздность и паразитизм, – продуцируется новый смысл – жадный и злой мужчина отказывает в помощи голодной и озябшей женщине (трудно сказать, видел ли сам И.А. Крылов этот новый смысл). Очень интересна история переложения на русский язык стихотворения Г. Гейне о северной сосне и пальме. В оригинале присутствовал смысл любви между мужчиной и женщиной: *ein Fichtenbaum* (существительное мужского рода) и *eine Palme* (существительное женского рода). Сохранить этот смысл в русском переводе было очень легко: для этого нужно было, чтобы “сосне” подлинника соответствовало название дерева мужского рода. Так сделали Ф.И. Тютчев (лирические герои *кедр* и *пальма*), А.Н. Майков (*кедр* и *пальма*) и А.А. Фет (*дуб* и *пальма*). Напротив, у М.Ю. Лермонтова (“На севере диком стоит одиноко...”) нет противопоставления по роду: *сосна* (существительное женского рода) видит во сне *пальму* (тоже женского рода). М.Ю. Лермонтов, несомненно, сознательно элиминировал

первоначальный сексуальный смысл, тем самым в его стихотворении выражен только мотив одиночества:

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh'.
Ihn schläferf; mit weißer Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

Er träumt von einer Palme,
Die fern im Morgenland
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

И снится ей всё, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Правила нарушения правил рассматривались как “скрытые” категории В. Гумбольдтом, А.А. Потемной, А.А. Шахматовым, Л.В. Щербой, А.М. Пешковским, Б. Уорфом и др. (см. обзор в: Кацнельсон 1972). Если в языке нет соответствующих эксплицитных языковых категорий, смыслы выражаются “скрытыми” категориями. В этом случае становится актуальным выделение маркеров соответствующих смыслов. Такими маркерами выступают “чужие” средства, то есть средства, в обычных ситуациях используемые для выражения эксплицитных языковых категорий. В этом отношении можно воспользоваться термином А.И. Смирницкого (1981) “сверхязыковой остаток”, обозначающим смыслы, для передачи которых система языка не располагает специальными лексическими и грамматическими средствами, но которые тем не менее передаются в речи на этом языке.

3. Коммуникативно-речевые основания типологии

Итак, мы понимаем стилистическую маркированность как непрямую коммуникацию. Рассмотрение ее в языках разных типов позволяет высказать некоторые соображения о стилистической типологии: подобно тому как типы языков выделяются через прямую коммуникацию (ПК), через непрямую коммуникацию (НК) (либо через соотношение ПК ~ НК) могут быть выделены стилистические типы. Именно наличие “правил нарушения правил” дает некоторую надежду на построение когда-нибудь типологии, однако пока что контуры такой типологии просматриваются смутно. Главное, такая типология, по-видимому, всегда будет оставаться вторичной

по отношению к собственно типологическим (в том числе контенсивным) классификациям языков: оттенки значений зависят от того, каковы значения. Ср.: “Незавершенность еще оформления сопоставительной стилистики выражается в том, что на первом этапе своего развития она занималась изучением в сравнительном плане стилистических средств языковых систем анализируемых языков, то есть транспонировала на стилистику подход контрастивной лингвистики” (Кожина 1994: 5).

Особая трудность при выделении стилистических типов связана с функциональной тождественностью закрепленного и незакрепленного в языке: средства разных типов порождают одинаковые стилистические смыслы в речи. И лексические, и грамматические отклонения, как и собственно языковые (прямые) стилистически маркированные единицы, суть средства для достижения стилистического эффекта в речи. Ср. с точкой зрения Л.Н. Мурзина, который усматривал принципиальное единство между ошибками и речевыми приемами (Мурзин 1989).

Сходную концепцию стиля развивал М.М. Бахтин. Стиль по М.М. Бахтину – явление именно речевое: “Язык, как система, обладает, конечно, богатым арсеналом языковых средств – лексических, морфологических и синтаксических – для выражения эмоционально-оценивающей позиции говорящего, но все эти средства, как средства языка, совершенно нейтральны по отношению ко всякой определенной реальной оценке. Слово *миленький* – ласкательное как по своему корневому значению, так и по суффиксу – само по себе, как единица языка, так же нейтрально, как и слово *дать*” (Бахтин 1996: 188). Не экспрессивные сами по себе (“ничьи”) слова становятся средствами для выражения экспрессии только в конкретном высказывании и через целое этого высказывания: “Нейтральное значение слова, отнесенное к определенной реальной действительности в определенных реальных условиях речевого общения, порождает искру экспрессии” (там же: 190).

В последнее время осуществляются исследования в области стилистической типологии и стилистических универсалий в связи с типами речевых культур (Вежбицкая 1999; 2003; Вежбицкая, Годдард 2002; Карасик 2002; Blum-Kulka et al. 1989; Harkins 1994; Schiffrin 1984)². Главные положения контрастивной прагматики, по А. Вежбицкой (2003): (1) в разных

2 Не случайно русское издание трудов А. Вежбицкой, посвященных сравнению “дискурсивных стилей”, норм ведения коммуникации, получило общее название *Семантические универсалии*.

обществах и разных общественных группах люди говорят по-разному; (2) эти различия в способах говорения являются значительными и системными; (3) эти различия отражают разные культурные ценности или, по меньшей мере, разные иерархии ценностей; (4) разные способы говорения, разные стили общения можно объяснить, если говорить о независимо установившихся разных культурных ценностях и культурных предпочтениях.

Традиционная для стилистики проблема художественного перевода рассматривается в связи с общей проблемой межкультурной коммуникации. Так, отмечается, что интерпретация инокультурной языковой игры опирается на культурные концепты, которые значительно различаются в разных культурах. Согласно В.И. Карасику, почти невозможно передать звуковую языковую игру на чужом языке: носитель другой культуры понимает, что, вероятно, в другом языке такое случайное совпадение омонимичных единиц может оказаться смешным, но поскольку в родном языке эти слова отнюдь не являются омонимами, то комического эффекта нет. Разъяснение, связанное с формой слов, фактически устраняет неожиданность смыслового столкновения, лежащего в основе юмора. Аналогичным образом не вызывают смеха шутки, построенные на рифмах (Карасик 2002: 240).

Непонимание юмора, основанное на незнании реалий, снимается при наличии комментариев, например, в юмористической миниатюре на тему “радиоперехват”:

Actual radio conversation released by the Chief of Naval Operations (so it says)

Hail: Please divert your course 15 degrees to the North to avoid a collision.

Reply: Recommend you divert YOUR course 15 degrees to the South to avoid a collision.

Hail: This is the Captain of a U.S. Navy Ship. I say again, divert YOUR course.

Reply: No, I say again, you divert YOUR course.

Hail: THIS IS THE AIRCRAFT CARRIER ENTERPRISE. WE ARE A LARGE WARSHIP OF THE U.S. NAVY. DIVERT YOUR COURSE NOW!

Reply: This is the lighthouse... your call.

Этот анекдот не вызывает затруднений у русских респондентов, ситуация нелепого противоборства смешна сама по себе, но для американцев в данном тексте содержится дополнительная информация страноведческого характера, усиливающая юмористический эффект. Авианосец “Энтерпрайз” – один из наиболее крупных американских военных кораблей, принимавший участие в фактических военных действиях и являющийся символом военной

мощи США. Кроме того, в языковом сознании русских понятие “маяк” не обязательно включает признаки крупного сооружения, построенного на высокой скале или острове, в английском языке сама внутренняя форма слова *lighthouse* содержит элемент “дом, здание”.

В свою очередь, англичане испытывают трудности при понимании весьма специфических русских анекдотов о КГБ: *В NASA гадают – почему взорвался левый твердотопливный ускоритель SHATLL'a, а в КГБ – почему не взорвался правый ...* Специфика этих анекдотов состоит в том, что госбезопасность наделяется сверхъестественными способностями и оценивается при этом положительно. Не случайно бытует мнение, что подобного рода анекдоты специально придумывались в аналитических отделах КГБ для создания соответствующих стереотипов у населения. Англичане понимают замысел этого текста, но не согласны внутренне с пафосом анекдота: они воспринимают такой текст как претенциозный и отчасти национально шовинистический (Карасик 2002: 240-247).

Следуя духу концепции А. Вежбицкой, надо полагать, что стилистические правила, на основе которых можно типологизировать языки, совпадают с жанровыми правилами, “правилами ведения речи”. Это то, что А. Вежбицка называет национальными культурными стилями, а стилистические типы языков $\approx$ типам речевых культур.

Этот подход также во многом предопределен М.М. Бахтиным, сблизившим стилистическую системность с жанровой: “Где стиль, там жанр” (Бахтин 1996: 166); “Органическая, неразрывная связь стиля с жанром ясно раскрывается и на проблеме языковых, или функциональных, стилей. По существу [...] функциональные стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы” (там же: 163).

Тогда возможны следующие направления типологизации:

- выявление набора более / менее формализованных жанров, закрепленных в данном языке / культуре за сферами фагики / информатики,
- сопоставление богатства, разнообразия, формализованности средств фатических и информативных РЖ,
- в том числе – насколько велика доля коннотативно окрашенных средств в отдельных коммуникативных (тематических) сферах. Ср.: “В некоторых культурах, например, для беседы характерно несогласие коммуникантов, беседа ведется «на повышенных тонах», дается выход эмоциям. В других

культурах говорящие избегают несогласия, используют мягкие и ровные интонации и стараются не высказать то, что чувствуют в глубине души. В одних странах считается очень неприличным перебивать собеседника, в то время как в других это естественно. В некоторых культурах шутят и употребляют бранные слова по отношению к одним людям и в то же время за всю жизнь не произносят ни одного такого слова по отношению к другим” (Вежбицкая, Годдард 2002: 118).

Сюда же относятся такие явления, как речевой этикет, вежливые обращения и противопоставление местоимений по признаку субъективной оценки и общественных отношений. Как известно, замена местоимением множественного числа местоимения единственного числа того же лица в Европе впервые зарегистрирована в III в. нашей эры в документах римского государства, возглавляемого одновременно двумя или тремя правителями. Для романских и частично германских языков образцом для применения специальных местоимений вежливого обращения послужил испанский язык; ср.: исп. *Usted* ‘Вы’ (единственное число, от *vuestra merced* ‘Ваша милость’), *Ustedes* ‘Вы’ (множественное число). По этой модели строится и русская система местоименной вежливости. Использование местоимения 3-го лица вместо местоимения 2-го лица возникло, по-видимому, в результате стремления говорящего из скромности подчеркнуть расстояние, отделяющее его (говорящего) от собеседника. Подготовкой для введения в оборот местоимения 3-го лица послужили косвенные обращения типа *сударь, сударыня*, которые в ряде языков использовались без местоимения 2-го лица, например в немецком *Was will der Herr?* (буквально: ‘Что хочет сударь?’) (Майтинская 1969). В некоторых языках система “местоименной вежливости” гораздо более сложно организована, чем в индоевропейских языках, например, в японском и корейском языках.

Хотим обратить внимание на одно интересное явление.

Интерференция стилистических систем двух контактирующих языков (подобно интерференции грамматических структур) состоит в том, что, хотя общая система из двух элементов *ты ~ вы* заимствуется, конкретные стилистические значения в разных языках могут различаться. В художественной литературе XIX в. часто отмечается, что французское *вы* звучит менее официально и холодно, чем русское, а русское *ты* более интимно и фамильярно, чем французское. Так, в письме Каренина своей жене (Л. Толстой *Анна Каренина*) он нарочно называет ее на *вы* по-французски, чтобы не подчеркивать возникшего между ними отчуждения. В разговорах же с

нелюбимым мужем Анна болезненно воспринимает обращение к ней мужа по-русски на *ты*. Подобные стилистические различия становятся особенно заметны при сравнении переводов на разные языки произведений, содержащих обращения разной степени вежливости. В современном английском языке обращение *you* является недифференцированным, тогда как во французском, русском и польском языках обращения требуют выбора *ты* или *вы*. В этом отношении интересно рассмотреть переводы английских детективных романов, в которых выступает “классическая” следовательская пара “сыщик ~ помощник”: Шерлок Холмс ~ доктор Ватсон (А. Конан Дойль), Эркюль Пуаро ~ капитан Гастингс (А. Кристи). По-русски эти персонажи обращаются друг к другу на *вы*, по-французски, естественно, тоже, на польском же языке, где такое же двойное противопоставление форм обращения по вежливости, как во французском и русском (*ty / pan*), они обращаются друг к другу на *ты*, но при этом употребляют формы звательного падежа от фамилий (*Watsonie*), что создает эффект социальной дистанции.

Одним из оснований типологии может стать также то, насколько фатические и информативные средства совместимы друг с другом. В этом отношении представляют интерес особые эмоциональные сообщения в итальянском языке и их аналоги в других языках, которые исследует А. Вежбицкая. Меньше всего таких средств, по-видимому, в английском языке в связи с тем, что англосаксонской культуре присуща максима “сдержанности” (*understatement*), что находит выражение в возможности сказать по-английски, что преступление было *rather horrible* ‘довольно ужасное’, или что студент *fairly enthusiastic* ‘довольно полон энтузиазма’. Данные выражения нельзя напрямую перевести, например, на итальянский или польский языки. Итальянскому же языку присуща максима “эмфатического преувеличения”. А. Вежбицка показывает, как эта максима проявляется в двух итальянских грамматических конструкциях – “абсолютный суперлатив” типа *bellissima* ‘красивейшая’ с очень высокой степенью выражения эмоционального отношения говорящего к предмету речи (говорящий осознаёт, что он говорит “чуть больше, чем строго правду”) и клаузальный повтор типа *bella bella* ‘красивая красивая’, *subito subito* ‘сразу сразу’, выражающий не столько большую степень признака, сколько указание на точность, степень ответственности говорящего за свое высказывание (если говорящий называет чьи-то глаза *neri neri*, то он настаивает на том, что эти глаза были действительно

черными, и он готов отстаивать свою точку зрения до конца, не желая “тактично” учитывать возможность разных мнений) (Вежбицкая 1999: 224-262).

Особо следует сказать об экспрессии, порождаемой имитацией речи на чужом языке. Этой теме посвящена глава монографии Е.Я. Шмелевой и А.Д. Шмелева *Русский анекдот: текст и речевой жанр* (2002: 47-63). Отмечается, что имитация русской речи чукчей, грузин, евреев, украинцев, эстонцев и т. д. в анекдотах отражает стереотипы восприятия особенностей речевого поведения “инородцев”, сложившиеся у носителей русского языка. Так, грузины в анекдотах опознаются по произношению [a] в безударных слогах на месте редуцированных, мягкому произношению шипящих, неразличению твердых и мягких согласных. Для речи украинцев характерна реализация фонемы <г> как [y], речи евреев – реализация <р> как заднеязычного [R]. Речевая характеристика инородцев в анекдотах часто включает в себя склонность к использованию определенных прагматически насыщенных частиц. Для грузин это произносимое с особою интонацией вопросительное *Да?*, чукчей – слово *однако*, для евреев частица *таки*.

Конечно, имитация речевых особенностей иностранцев и “инородцев” обыгрывается не только в русских анекдотах. Ср. польский анекдот, обыгрывающий речь жителей Катовиц:

Matka nalewa zupy synowi.

– Jedz, synku, bedziesz rós (вместо “będziesz rós”)

– Mo, jo nie chca być Rus, jo chca być Niemiec!

Таким образом, языковая и стилистическая системы (например, система вежливости, речевого этикета) выступают как частично пересекающиеся, частично автономные системы. При этом стилистически маркированные единицы могут переходить из одной стилистической системы в другую и интерферировать также частично автономно от взаимодействия собственно языковых структур.

В лингвистике практически не рассмотрен такой важный источник стилистической экспрессии, как нормы речевых жанров и отклонения от этих норм (тем более взаимодействие жанровых норм в разных языках и речевых культурах).

Очевидно, что разным культурам присущи разные речевые жанры. По справедливому утверждению А. Вежбицкой, “Речевые жанры, выделенные данным языком, являются [...] одним из лучших ключей к культуре данного общества” (1997: 111). Разные культуры требуют в определенных ком-

муникативных ситуациях использования средств разной степени эксплицитности, жесткости / формализованности, накладывают ограничения на те или иные темы, слова, идиомы и даже ассоциации, прямые номинации чего-либо. Ср. манеру светского поведения княгини Мягкой в *Анне Карениной* Л. Толстого: нарушения жанровых правил придают особую прелесть и оригинальность такой речи с точки зрения изощренных светских львов и львиц:

– Как, вы были у Шюцбург? – спросила хозяйка от самовара.

– Были, ma chere. Они нас звали с мужем обедать, и мне сказывали, что соус на этом обеде стоил тысячу рублей, – громко говорила княгиня Мягкая, чувствуя, что все ее слушают, – и очень гадкий соус, что-то зеленое. Надо было их позвать, и я сделала соус на восемьдесят пять копеек, и все были очень довольны. Я не могу делать тысячерублевых соусов.

– Она единственна! – сказала жена посланника.

– Удивительна! – сказал кто-то.

Эффект, производимый речами княгини Мягкой, всегда был одинаков, и секрет производимого ею эффекта состоял в том, что она говорила хотя и не совсем кстати, как теперь, но простые вещи, имеющие смысл. В обществе, где она жила, такие слова производили действие самой остроумной шутки. Княгиня Мягкая не могла понять, отчего это так действовало, но знала, что это так действовало, и пользовалась этим.

В заключение выскажем несколько замечаний о таком интересном явлении, как переход речевых жанров из одной культуры в другую. Хотя, повторим, своеобразие стилей обусловлено своеобразием языков, стили (жанры) могут быть шире языка и переходить из языка в язык, практически не меняясь.

Так, светская беседа в России первоначально была возможна только на французском языке. Все формальные признаки светской беседы, ее многочисленные отработанные до искусства приемы и тактики были заимствованы русской культурой именно на этом языке³.

3 В целом было заимствовано западноевропейское представление о коммуникативном поведении правящего сословия. В западноевропейской культуре рыцарский кодекс включал изощренную систему правил поведения, способствующих поддержанию господствующего положения сословия рыцарей-феодалов и выделению его. Захватывающая с XV века власть буржуазия не отрицает рыцарского идеала, а, напротив, стремится ему внешне подражать. Русское средневековое общество характеризовалось слабостью политических позиций аристократии и отсутствием у нее корпоративной

Позднее, при переходе на русский язык, эти формы практически не менялись. Попытки “привить” этот тип общения в современной России, как правило, не имеют успеха. Дело в том, что нейтральная фатика типа *small talk* вообще слабо представлена в русском общении, для которого характерны, во-первых, экспликация межличностной теплоты и приязни (это выражается, в частности, в богатстве ласкательных форм русских личных имен – Вежбицка 1990: 74), во-вторых, – особая личностность русской народной культуры (это проявляется во внутренней форме традиционных обращений к чужим людям *желанный, бажанный, матушка, милый, родимец* и подоб., а также в том, что в общении на диалекте почти не различаются речевые ситуации *спора* и *ссоры*) (Гольдин 1997). В целом жанровые особенности светской беседы простираются из особенностей российского национально-культурного концепта фатики, в частности, представления о том, что фатика не должна быть лично-нейтральной.

Однако последние несколько лет наблюдается стремление части россиян к возрождению жанра светской беседы: будучи в высокой степени социально символична, светская беседа остается чрезвычайно популярным времяпрепровождением для части населения, претендующей на влияние. Современные презентации, “вечера”, рауты, бомонды ориентируются на правила и нормы якобы исконно русского жанра – светской беседы XVIII-XIX вв.:

26.10.97 Игорь Голимбиовский пригласил меня на презентацию своей газеты в «Мариотт Гранд-Отель» на Тверской. Я поехал, потому что очень хотел понять, что же это за штука такая, презентация. Слышал много, но ни разу не был. Оказалось, что это обычная «халява», которую одни богатые люди устраивают для других небедных людей, чтобы завтра поменяться местами. Знакомых очень много. Общение чисто светское: улыбнулся, бросил несколько фраз и отплыл к другой группке. Именно так я общался с Голимбиовским, Зосурским, Гайдаром-старшим, Вознесенским, Радзинским, Жванецким, Ноткиным, Мостовщиковым, Целмсом, Долгополовым и др. Там же были Березовский и Жириновский, с которыми я не общался, поскольку незнаком. [...] Я дрейфовал по залу, запивая ветчину апельсиновым соком, и думал о том, что вот собрались неглупые, в большинстве своём талантливые люди и занимаются сущей бессмыслицей: напоминают друг другу о своём существовании с неким дальним

сплоченности. Такого феномена, как рыцарство, на Руси не сложилось вообще (Ивушкина 1997).

(а может быть и ближним?) прицелом. Презентация – это деревянный троянский конь, внутри которого спрятаны коварные интриги и робкие надежды, а человеческое общение, – это живой скаун, внутри которого – кровь, пот, сперма, г... (Я. Голованов. *Заметки вашего современника*).

Именно данным фактом было вызвано массовое издание учебников, пособий по светской беседе (ср. работы научных групп под руководством Н.И. Формановской, А.К. Михальской и др.).

***

Вильгельм фон Гумбольдт понимал “форму языка” как некую высшую духовную идею, определяющую не только системные отношения языковых значений и значимостей, но и деятельность сознания по “превращению мира в мысли”, а также развитие языка и его место в “языке человечества” – совокупности возможных концептуализаций мира смыслов. Точно так же понимал тип языковой формы Эдуард Сепир: “[...] каждому, кто вообще думал об этом вопросе или хоть немного почувствовал дух какого-либо иностранного языка, должно быть ясно, что в основе каждого языка лежит как бы некоторая базисная схема (*basic plan*), что у каждого языка есть свой особый покров. Этот тип, или базисная схема, или «гений» языковой структуры, есть нечто гораздо более фундаментальное, нечто гораздо глубже проникающее в язык, чем та или другая нами в нем обнаруживаемая черта” (Сепир 1993: 117).

Однако *basic plan* лишь частично определяет своеобразие языка – он не охватывает и не может охватывать все особенности функционирования языка, его стилистику, связи с человеком (тем более – с разными социальными группами, психологическими типами, вкусами, предпочтениями), постоянно меняющимся обществом. Собственно язык всегда определяется “сверху” и “снизу”: это *basic plan* на вершине и живая коммуникативная основа, связывающая язык с его пользователями.

Литература

Апресян Ю.Д., 1995, *Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*, Москва.

- Балеевских К.В., 2002, *Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва (А. Макина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук.* Ярославль.
- Балли Ш., 2001, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, Москва.
- Балли Ш., 1961, *Французская стилистика*, Москва.
- Бахтин М.М., 1996, *Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе "Проблема речевых жанров". Проблема текста. – Бахтин М.М. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов.* Москва.
- Бразаускаене Е., 2000, *Грамматические особенности русского языка в Литве. – Русский язык сегодня. Вып. 1*, Москва.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д., 1997, *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*, Москва.
- Васильева А.Н., Стайкова Х.Й., 1988, *Русская разговорная речь в сопоставлении с болгарской*, София.
- Вежбицка А., 1990, *Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус. – Язык и структура знания*, Москва.
- Вежбицка А., 1997, *Речевые жанры. – Жанры речи. Вып. 1*, Саратов.
- Вежбицкая А., 1999, *Семантические универсалии и описание языков*, Москва.
- Вежбицкая А., 2003, *Культурная обусловленность категорий "прямота" vs. "непрямота". – Прямая и непрямая коммуникация*, Саратов.
- Вежбицкая А., Годдард К., 2002, *Дискурс и культура. – Жанры речи. Вып. 3*, Саратов.
- Вейнрейх У., 1970, *О семантической структуре языка. – Новое в лингвистике. Вып. 5*, Москва.
- Виноградов В.С., 1975, *Лексические вопросы перевода художественной прозы: Автореф. дис. ... доктора филол. наук*, Москва.
- Герман И.А., 2000, *Лингвосинергетика*, Барнаул.
- Гольдин В.Е., 1997, *Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Диссертация в виде научного доклада ... доктора филол. наук.*, Саратов.
- Гридина Т.А., 1996, *Языковая игра: стереотип и творчество*, Екатеринбург.
- Дементьев В.В., 2000, *Непрямая коммуникация и ее жанры*, Саратов.
- Долинин К.А., 1983, *Имплицитное содержание высказывания, "Вопросы языкознания" 1983, № 6.*
- Езолка И.А., 1976, *Сопоставительная стилистика как раздел языкознания. – Сопоставительная стилистика иностранных языков*, Ростов н/Д.
- Ивушкина Т.А., 1997, *Язык английской аристократии: социально-исторический аспект*, Волгоград.
- Ижакевич Г.П., Кононенко В.И., Пилинский Н.Н., Сиротина В.А., 1990, *Сопоставительная стилистика русского и украинского языков*, Киев.
- Карасик В.И., 2002, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград.

- Кацнельсон С.Д., 1972, *Типология языка и речевое мышление*. Ленинград.
- Кожина М.Н., 1994, *Сопоставительная стилистика: современное состояние и аспекты изучения функциональных стилей*, "Stylistyka" III.
- Кожина М.Н., 1999, *Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение*, "Stylistyka" VIII.
- Лейчик В., 1994, *По поводу расширения предмета сопоставительной стилистики. – Stylistyczne konfrontacje*, red. S. Gajda, M. Balowski, Opole.
- Львовская З.Д., 1985, *Теоретические проблемы перевода*, Москва.
- Майтинская К.Е., 1969, *Местоимения в языках разных систем*, Москва.
- Мелыук И.А., 1974, *О синтаксическом нуле. – Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов*, Ленинград.
- Мельчук И.А., 1998, *Курс общей морфологии*. Т. II. *Часть вторая: Морфологические значения*, Москва; Вена.
- Мурзин Л.Н., 1989, *Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения. – Речевые приемы и ошибки. Типология, деривация, функционирование*, Москва.
- Мурзин Л.Н., 1998, *Полевая структура языка: фатическое поле. – Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина)*, Пермь.
- Разинкина Н.М., 1978, *Развитие языка английской научной литературы*, Москва.
- Санников В.З., 1999, *Русский язык в зеркале языковой игры*, Москва.
- Сепир Э., 1993, *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва.
- Скребнев Ю.М., 1985, *Введение в коллоквиалистику*, Саратов.
- Смирницкий А.И., 1981, *Объективность существования языка. – История советского языкознания: Хрестоматия*, Москва.
- Солганик Г.Я., 1982, *К проблеме классификации функциональных стилей на интралингвистической основе. – Основные понятия и категории лингвостилистики*, Пермь.
- Степанов Ю.С., 1997, *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва.
- Троянская Е.С., 1982, *Лингвистическое исследование немецкой научной литературы*, Москва.
- Федоров А.В., 1971, *Очерки общей и сопоставительной стилистики*, Москва.
- Федоров А.В., 1983, *Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы)*, Москва.
- Цивьян Т.В., 1991, *Оппозиция мужской / женский и ее классифицирующая роль в модели мира. – Этнические стереотипы мужского и женского поведения*, С.-Петербург.
- Швейцер А.Д., 1991, *Проблемы контрастивной стилистики (к сопоставительному анализу функциональных стилей)*, "Вопросы языкознания" 1991, № 4.
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д., 2002, *Русский анекдот: текст и речевой жанр*, Москва.

- Якобсон Р., 1965, *Значение лингвистических универсалий для языкознания. – История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях.* Ч. II., Москва.
- Blum-Kulka S., House J., Kaspar G., 1989, *Cross-cultural pragmatics.* Norwood: Ablex.
- Gajda S., 1995, *Styl i stylistyka. Zagadnienia ogólne. – Przewodnik po stylistyce polskiej,* red. S. Gajda, Opole.
- Givón T., 1979, *On understanding grammar.* N.Y.
- Harkins J., 1994, *Bridging Two Worlds.* St Lucia: Queensland University Press.
- Langacker R.W., 1987, *Foundations of cognitive grammar. V. 1: Theoretical prerequisites.* Stanford.
- Malblanc A., 1961, *Stylistique comparée du français et de l'allemand,* Paris.
- Mistrík J., 1977, *Stylistika slovenského jazyka,* Bratislava.
- Schiffirin D., 1984, *Jewish argument as sociability. Language in Society* 13, 311-335.
- Skubalanka T., 1995, *O definicjach stylu, "Stylistyka" IV.*
- Styl? Moje dzisiejsze rozumienie stylu* (M. Červenka, S. Čmejrková, F. Daneš itd.), "Stylistyka" IV, 1995.
- Stylistyczne konfrontacje,* red. S. Gajda, M. Balowski, Opole 1994.
- Todorov T., 1978, *Symbolisme et interprétation,* Paris.
- Vinay J.P. et Darbelnet J., 1958, *Stylistique comparée du français et de l'anglais,* Paris.

Multilinguism and Style: Discussible Problems of the Stylistic Typology

Practically not studied yet, the problems of a stylistic typology are being solved in this article. The basics of a speech/communicational typology are laid: the authors' basic idea is that a typization (as speech genres) is a source of the grammar categories system. The stylistic markedness is understood as planned and not-planned non-direct communication. That's why the languages' stylistic types are being defined according to the peculiarities of the languages' lexico-grammatical systems as well as with their "rules trespassing rules".